

*Огромное спасибо Питеру Бликли
за его помощь в написании гномьей оперы
«Кровавый Топор и Железный Молот».
В его версии она была значительно лучше
(и в ней было куда больше песен про золото)*

Говорят, будто бы мир плоский и покоится на спинах четырех слонов, которые, в свою очередь, плывут по вселенной на панцире гигантской черепахи.

Говорят, будто кости этих преогромнейших слонов состоят из камня и железа*, а нервы — из чистого золота для обеспечения лучшей проводимости на большие расстояния.

А еще говорят, что много-много лет назад пятый слон с жутким ревом и трубом ворвался в атмосферу тогда еще молодого мира и рухнул на землю с такой силой, что вознеслись в небо горы и возникли континенты.

Правда, как падал слон, никто не видел, и тут встает очень интересный философский вопрос: когда миллионы тонн разъяренной слонятины нисходят на землю, но рядом нет никого, кто мог бы услышать данное падение,— производит ли этот слон шум?

* Не из мертвых камня и железа (в каком виде они пребывают сейчас), а из самых что ни на есть живых. Гномы посвятили минералам целую мифологию, весьма сложную и изобретательную.

И если никто не видел этого падения, то вообще... а падал ли слон?

Иными словами, а может, все это какая-нибудь история для детишек, выдуманная специально, чтобы объяснить необычные природные явления?

Но что касается гномов, которые сочинили эту легенду и которые копают куда глубже, чем кто-либо,— гномы говорят, что в этой истории все же присутствует крупица истины.

В ясный день с вершин Овцепикских гор открывается замечательнейший вид на равнины. В самый разгар лета можно сосчитать все столбы пыли, поднятые воловьими караванами: по два вола на две сцепленные друг с другом повозки, каждая повозка — по четыре тонны весом; итого максимальная скорость — две мили в час. На Плоском мире перемещение из точки А в пункт Б — достаточно длительный процесс, зато когда груз наконец прибывает в нужное место, этого груза хоть завались. Именно при помощи подобных караванов в города, расположенные вдоль побережья Круглого моря, доставлялось основное сырье. Иногда к сырью прилагались искатели приключений, отправившиеся на поиски удачи и горстки-другой алмазов.

Обратно в горы везли промышленные изделия и заокеанские диковинки. А также бывших искателей приключений, обретших мудрость и пару-другую шрамов.

Друг от друга караваны отделял один день пути. Таким образом, равнины превращались в дей-

ствующую модель машины времени. В ясный день можно было увидеть прошлый четверг.

В зыбком мареве бодро мигали гелиографы, передававшие от каравана к каравану информацию о том, где устроили засаду разбойники, какой груз куда направляется и где можно выгодно поужинать двойной яичницей, тройными чипсами и бифштексом, свисающим за край тарелки.

Воловьими караванами путешествовали многие. Это было, во-первых, дешево; во-вторых, вас не беспокоили мозоли; и в конце концов вы все-таки попадали в нужное вам место.

Но кое-кто умудрялся путешествовать «зайцем».

Волы одной из повозок вели себя слишком уж беспокойно. Подобное поведение вполне объяснимо в горах, где обитают всевозможные дикие животные, рассматривающие волов исключительно как передвижной обед, но на равнинах не водилось ничего опаснее капусты.

За спиной возницы, забившись в узкую щель между штабелями досок, спало какое-то существо.

А в Анк-Морпорке начинался очередной день...

Сержант Колон балансировал на шаткой стрелянке, стоявшей на Бронзовом мосту, одной из самых загруженных мостострад города. Правой рукой Колон хватался за высокий столб с закрепленным на его вершине ящиком, а левой держал перед отверстием ящика самодельную книжицу с картинками.

— А это — повозка *другого* вида,— сказал он.—
Понятно?

— 'а,— откликнулся из ящика едва слышный
голосок.

— Вот и чудно,— довольным тоном произнес
Колон. Бросив книжицу на землю, он указал на
мост.— Так, теперь... Видишь вон те две отметины
на булыжнике?

— 'а.

— Что они означают?

— Если-возка-ойдет-одной-другой-ньше-за-
минуту-начит-она-едет-лишком-быстро,— повто-
рил заученное голосок из ящика.

— Молодец. И ты что должен сделать?

— Рисовать-картинку.

— Так, чтобы было видно что?

— Лицо-зницы-или-омер-возки.

— А если на улице темная ночь?

— Освещу-возку-помощи-саламандры.

— Молодец, Родни. Один из наших раз в день
будет приходить и забирать нарисованные тобой
картинки. Тебе там всего хватает?

— 'а.

— А что это такое, сержант?

Колон опустил взгляд на очень большое темно-
кожее лицо и улыбнулся.

— Привет, Весь,— поздоровался он, неуклю-
же спускаясь со стремянки.— Ты, господин Джол-
сон, смотришь сейчас на современную версию, так
сказать, часов. Новые часы для нового millennie-
ниема... мума.

— Часы, Фред? — переспросил Вѐсь Джолсон, критически рассматривая ящик. — А стрелки вы куда подевали?

— Да нет, Вѐсь, какие стрелки. Слышал выражение «стоять на часах»? Так вот это те самые часы. Только нового вида.

— А, ну да.

— Если кто проедет по мосту слишком быстро, уже на следующее утро лорд Витинари увидит его физиономию. Иконографы никогда не врут, Вѐсь.

— Конечно, Фред. Мозгов-то у них совсем нет, куда уж тут врать?

— Его сиятельству надоело, что повозки носятся по мосту с бешеной скоростью, и он попросил нас что-нибудь придумать. Теперь я — главный по уличному движению.

— Фред, а это хорошо?

— Ну разумеется! — возмущенно воскликнул сержант Колон. — Я отвечаю за то, чтобы эти, ну, артерии не забивались, ведь это может привести к полному упадку торговли и всеобщему разорению. Жизненно важная и необходимая работа, откуда ни посмотри.

— И выполняешь ее ты один?

— Ага. В основном. Иногда капрал Шноббс помогает, ну и другие ребята...

Вѐсь Джолсон задумчиво почесал нос.

— Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить, Фред.

— Нет проблем, Вѐсь.

— Рядом с моим рестораном кое-что случилось.

Весь Джолсон двинулся за угол, к своему ресторанчику, и сержант Колон зашагал следом. Рядом с гигантским ресторатором Колон всегда чувствовал себя очень уютно — по сравнению со Всем он выглядел настоящим стройнягой. Весь Джолсон относился к людям, которые способны влиять на орбиты мелких планет и достойны отображения в атласах. Под его шагами подпрыгивали булыжники мостовой. В одном теле соединились лучший в Анк-Морпорке шеф-повар и самый прожорливый в городе едок — союз, заключаемый на небесах картофельного пюре. Настоящего имени Джолсона никто не помнил, а называли его, как правило, по кличке, ибо, впервые сталкиваясь с ресторатором лицом к лицу, люди сначала не верили собственным глазам: неужели *все это* — Джолсон?

На Брод-авеню стояла огромная повозка. Другие телеги пытались ее объехать, вследствие чего возникла огромная пробка.

— Понимаешь ли, Фред, мне доставили свежее мясо, но стоило моему вознице отлучиться, как вдруг...

Весь Джолсон ткнул пальцем в треугольное устройство, установленное на одно из колес телеги. Толстые дубовые доски неведомого приспособления были окованы сталью и обильно политы желтой краской.

Фред осторожно постучал по одной из досок.

— Кажется, Весь, я понимаю, в чем твоя проблема. И как долго твой возница пробыл в ресторане?

— Ну, я накормил его обедом.

— О, твои обеды — это нечто. Всегда так считал и буду считать. И что сегодня на комплексный обед?

— Отбивная под сметанным соусом, пирог с требухой и меренги «черная смерть»,— сказал Весь Джолсон.

На некоторое время воцарилась тишина — собеседники представляли себе вышеперечисленные блюда. Наконец Колон едва слышно вздохнул.

— А к требуховому пирогу масло дают?

— Ты хочешь меня оскорбить, предположив, что я могу подать пирог без масла?

— Таким обедом можно долго наслаждаться. Очень долго,— сказал Фред.— Видишь ли, Весь, патриций довольно-таки недвусмысленно выразился насчет повозок, стоящих на улице больше десяти минут и мешающих движению. По словам патриция, это самое настоящее преступление.

— Но съесть мой обед меньше чем за десять минут — это даже не преступление, а самая настоящая трагедия,— парировал Весь.— Вот здесь написано: «Гарадская Стража — \$15 шоб снять». Фред, это моя выручка за целых два дня!

— А моя работа? Представляешь, сколько бумаг мне придется заполнить? — отозвался Колон.— Я ведь не могу просто так махнуть рукой и снять эту штуковину — даже если б очень захотел. У ме-

ня в кабинете есть такой специальный гвоздик, на который накалываются квитанции за нелегальную парковку. Конечно, если б я командовал Стражей, дело другое... Но пойми правильно, Везь, я ведь человек подневольный.

Сунув руки в карманы, они стояли рядом и как будто не обращали друг на друга внимания. Сержант Колон начал насвистывать какой-то мотивчик.

— Я кое-что знаю, Фред,— осторожно произнес Везь.— Люди считают, что у официантов нет ушей, ну и...

— Я много чего знаю, Везь,— ответил Колон, позвякивая мелочью в кармане.

Джолсон и Колон разглядывали небо еще где-то с минуту.

— По-моему, у меня со вчерашнего дня осталось немного медового мороженого...

Сержант Колон опустил глаза на телегу.

— Ну надо же, господин Джолсон! — воскликнул он полным удивления голосом.— Какой-то невероятный гад установил на твое колесо «башмак»! Так, сейчас разберемся!

Колон снял с ремня пару выкрашенных белой краской круглых дощечек-ракеток, повернулся к выглядывавшей из-за старой лимонадной фабрики клик-башне и, дождавшись сигнала дежурившей там горгульи, с жаром и пылом попытался изобразить человека, который ведет сеанс одновременной игры в настольный теннис на двух столах сразу и негнущимися руками.

— Наряд прибѐдет буквально через минуту. Ага, смотри, смотри...

Чуть дальше по улице двое троллей аккуратно «обували» очередную телегу с сеном. Через минуту или две один из троллей бросил взгляд на клик-башню, толкнул приятеля в бок локтем, снял с пояса свой комплект ракеток и послал ответный сигнал (правда, с меньшим, чем у Колона, воодушевлением). Получив от горгульи необходимые указания, тролли огляделись по сторонам, заметили Колона и неуклюже двинулись к нему.

— Та-да! — с гордостью воскликнул Колон.

— Ваша новая техника просто поразительна, — восхитился Вѐсь Дѐжолсон. — До них было ажно пятьдесят шагов!

— Правильно, Вѐсь. В прежние времена мне пришлось бы дуть в свисток. А кроме того, они уже знают, что их вызвал именно я.

— Ну надо же. Им даже не пришлось напрягать зрение, чтобы увидеть, что это именно ты, — сказал Дѐжолсон.

— Ага, — подтвердил Колон, подсознательно понимая, что происшедшее никак нельзя признать ярчайшим лучом света, предвещающим долгожданную революцию в области средств связи. — Но представь: они находятся в нескольких улицах от нас. И знают, что это я их вызвал! Да хоть на другом конце города! И вообще, я мог бы приказать горгулье перекинуть сигнал на «большую» башню на Бугре. И буквально через несколько минут мое сообщение получили бы в Сто Лате. Прикинь?

— А до Сто Лата двадцать миль.

— По меньшей мере.

— Невероятно, Фред.

— Время идет вперед, Везь,— гордо хмыкнул Колон.

Наконец к ним подошли тролли.

— Констебль Сланец, кто приказал тебе установить «башмак» на повозку моего друга?

— Ну, сержант, ты ж сам сутрева велел: мол, обувайте все теле...

— Все, но не *эту*,— перебил его Колон.— Сними «башмак» немедленно, и закрыли тему, понял?

Слегка поворочав мозгами, констебль Сланец пришел к заключению, что платят ему вовсе не за мыслительные процессы. Подобного же мнения придерживался и Фред Колон. С точки зрения сержанта, платить троллю за то, чтобы он думал, означало швырять деньги на ветер.

— Как прикажешь, сержант...

— А пока вы тут трудитесь, я пойду поболтаю кое о чем с господином Джолсоном. Верно, Везь?

— Верно, Фред.

— Я сказал «поболтаем», но в основном я буду слушать, поскольку рот мой будет занят.

Снег падал с еловых ветвей. С трудом пробиравшийся сквозь глубокие сугробы человек остановился на мгновение, чтобы перевести дыхание, после чего трусцой пересек полянку.

С противоположной стороны долины донесся первый звук охотничьего рога.